

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи в одном экземпляре объемом до 1,5 печатного листа (электронная версия обязательна). Сноски располагать в конце текста в соответствии с библиографическими требованиями ГОСТа. С текстом статьи необходимо предоставлять аннотацию (500 знаков), ключевые слова (5–6 слов), фотографию и один экземпляр внешнего отзыва заверенного печатью. Внешний отзыв рекомендуется отправить по почте России.

Сведения об авторе должны включать: фамилию, имя и отчество полностью; образование с указанием законченного учебного заведения; должность и место работы; ученую степень и звание; почтовый индекс, домашний адрес, телефон, E-mail.

В случае отсутствия у автора адреса электронной почты или номера телефона редакция журнала для ученых «Клио» указывает свои контакты и берет на себя ответственность за связь читателей с автором публикации.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Порядок рецензирования рукописей авторов, представленных в редакцию журнала для ученых «Клио»

1. Все поступающие статьи проходят предварительную экспертизу главного редактора журнала «Клио».
2. Главный редактор распределяет поступившие в редакцию материалы для углубленной экспертизы членами редколлегии. Статьи авторов передаются на экспертизу с учетом сферы научных интересов, исторической специальности авторов материалов и членов редколлегии.
3. По итогам экспертизы каждый член редколлегии представляет главному редактору письменное заключение объемом 1800–3000 печатных знаков.
4. В случае отрицательной рецензии ее текст отсылается автору с пожеланиями доработки или переработки текста статьи.
5. При положительной письменной рецензии члена редколлегии статья направляется для дополнительной экспертизы ко второму эксперту – специалисту по проблематике, исследуемой в статье.
6. В случае отрицательного письменного отзыва второго эксперта статья направляется автору на доработку или переработку.
7. В случае положительного отзыва второго эксперта статья выносится на обсуждение членов редколлегии, которые на своем заседании принимают окончательное решение о публикации.
8. Главный редактор журнала лично решает, в каком из номеров «Клио» будет опубликована статья, о чем редакция уведомляет автора.

Примечание:

Заседание членов редколлегии журнала для ученых «Клио» проводится 1 раз в 2 месяца. Дата заседания определяется по согласованию с членами редколлегии. Проезд иногородних членов редколлегии к месту проведения заседания и обратно оплачивается за счет редакции журнала.

Допускается заочное участие в заседании посредством общения в режиме on-line или посредством переписки по электронной почте.

ЖУРНАЛ «КЛИО» ВЫПИСЫВАЮТ:

Барнаул	Омск
Владимир	Оренбург
Волгоград	Провидения
Воронеж	Псков
Екатеринбург	Ростов-на-Дону
Иваново	Самара
Иркутск	Санкт-Петербург
Калуга	Саратов
Кандалакша	Серпухов
Кемерово	Стерлитамак
Киров	Ступино
Кострома	Сыктывкар
Краснодар	Тамбов
Красноярск	Тверь
Курск	Томск
Магадан	Тура
Минусинск	Уфа
Москва	Уяр
Мурманск	Челябинск
Нижнекамск	Черкесск
Нижний Новгород	Шебекино
Новосибирск	Южно-Сахалинск
Норильск	Ярославль

The editorial staff of «Klio» would appreciate cooperation with foreign partners interested in distribution of the magazine in their countries. Please contact us by E-mail: poltorak2006@yandex.ru; nestorklio@mail.ru www.poltorak.spb.ru

We are convinced that this magazine has an enormous potential which would make an interesting business for the cooperating partner regarding the sale of subscriptions as well as free sales.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кропачев Н.М.</i> К читателю	3
<i>Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю.</i> (Санкт-Петербург). Изучение истории университета на историческом факультете	4

Академический университет. Главный педагогический институт. 1725–1819.

<i>Костина Т.В.</i> (Санкт-Петербург). Пространство Академических гимназии и университета: материалы к истории. 1724–1805 гг.	6
<i>Жуковская Т.Н.</i> (Санкт-Петербург). Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819)	15

ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. 1819–1917

<i>Жуковская Т.Н., Любезников О.А.</i> (Санкт-Петербург). Правительственная политика и корпорация Петербургского университета в дореформенный период: основные итоги и проблемы изучения	26
<i>Ростовцев Е.А., Баринев Д.А.</i> (Санкт-Петербург). Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917)	36
<i>Баринев Д.А.</i> (Санкт-Петербург). Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884–1917 гг.: статистический анализ	42
<i>Тихонов И.Л.</i> (Санкт-Петербург). Археологические коллекции в музеях Императорского Санкт-Петербургского университета	49
<i>Олесич Н.Я.</i> (Санкт-Петербург). Петербургский университет на пути к олимпийскому движению	54
<i>Ростовцев Е.А.</i> (Санкт-Петербург). Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890)	57
<i>Зиборова Е.О.</i> (Санкт-Петербург). Студенческие переписи в петербургском университете в начале XX в.	65
<i>Брачев В.С.</i> (Санкт-Петербург). Студенческие волнения октября-декабря 1910 г. в Санкт-Петербургском университете	68
<i>Ростовцев Е.А., Андреева В.В.</i> (Санкт-Петербург). Кризис 1911 г. в Петербургском университете в зеркале российской прессы	77
<i>Дворниченко А.Ю.</i> (Санкт-Петербург). Г.В. Вернадский и Петербургская историческая школа	88
<i>Ходяков М.В.</i> (Санкт-Петербург). Иван Адрианович Михайлов: студенческие годы будущего министра финансов в правительстве А.В. Колчака	92
<i>Гаврилова О.А.</i> (Санкт-Петербург). И.Л. Солоневич: «Я более или менее окончил Санкт-Петербургский императорский университет...» (Опыт сравнительной студенческой биографии)	94
<i>Ратьковский И.С.</i> (Санкт-Петербург). Из Вильно в Петербург: выпускники Первой Виленской гимназии в Санкт-Петербургском университете	99
<i>Зиборов В.К.</i> (Санкт-Петербург). О свидетельствах и дипломах бестужевков	102

УНИВЕРСИТЕТ В XX ВЕКЕ

<i>Кривоноженко А.Ф.</i> (Санкт-Петербург). Процесс советизации Петроградского университета в 1918–1922 гг.	104
<i>Петров В.В.</i> (Санкт-Петербург). «Большой была его работа и яркой – жизнь его...». В.Б. Томашевский: первый коммунист во главе Ленинградского университета. 1926–1927 гг.	109
<i>Зиборов В.К.</i> (Санкт-Петербург). Военные страницы одной биографии преподавателя университета	112
<i>Петров И.В.</i> (Санкт-Петербург). Исторический факультет ЛГУ 1930-х гг. в воспоминаниях Николая Николаевича Рутченко-Рутыча. (Памяти Н.Н. Рутченко-Рутыча (04.1916–04.05. 2013 гг.))	113
<i>Конохова А.С.</i> (Санкт-Петербург). Студенческий политический протест в Ленинградском государственном университете в 1950–1960-х гг.	117

К 125-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА С.Н. ВАЛКА

<i>Цамутали А.Н.</i> (Санкт-Петербург). Несколько добрых слов об С.Н. Валке	121
<i>Ганелин Р.Ш., Чернуха В.Г.</i> (Санкт-Петербург). Сигизмунд Натанович Валк – к 125-летию со дня рождения . 124	
<i>Дворниченко А.Ю.</i> (Санкт-Петербург). С.Н. Валк и Санкт-Петербургский университет	126

Приймак Н.И. (Санкт-Петербург). О письме С.Н. Валка А.С. Лаппо-Данилевскому [1915 г.]	130
Свердлов М.Б. (Санкт-Петербург). Учил своим примером... ..	133
Федорова Т.С. (Санкт-Петербург). С.Н. Валк в моей жизни	135
Ткаченко И.В., Иванова В.И. (Санкт-Петербург). Выпускники исторического факультета ЛГУ 1957 г. о профессоре Сигизмунде Натановиче Валке	136
Ростовцев Е.А., Шишов В.О. (Санкт-Петербург). С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX – начале XXI в.....	138

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ХРОНИКА

Сосницкий Д.А. (Санкт-Петербург). История Санкт-Петербургского университета в сетевом пространстве	145
Потехина И.П. (Санкт-Петербург). «И всё-таки – что ж это было? Чего так хочется и жаль?» (И.М. Гревс и его ученики в книге А.В. Свешникова)	149
Калинина Е.А. (Петрозаводск). Мы знаем, что значит война...»: воспоминания, письма, дневники университетов военных лет (рецензия)	152
Ансберг О.Н., Костина Т.В. (Санкт-Петербург). К десятилетию семинара по истории высшей школы	154

ЮБИЛЕЙ

Юбилей профессора В.А. Кутузова.....	156
--------------------------------------	-----

участии студентов – членов статистического семинария // Известия Томского университета. Труды Юридического кабинета при Томском университете. Статистико-экономическое отделение. Томск, 1902. Вып. 2. Кн. 22. С. 1–56.

⁷ Студенческий квартирный вопрос в Москве...; Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве / Сост. студ. М. Бенасик. Под ред. проф. В.В. Святловского. С предисл. В.В. Святловского. СПб., 1909.

⁸ Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: Опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. С. 213.

⁹ См., например: Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение / Под ред. приват-доцента Московского университета М.А. Членова. М., 1909.

¹⁰ См. об этом: Экономическое положение томских студентов...; Святловский В.В. Указ. соч. С. 32–35.

¹¹ [Письмо В.В. Святловского декану юридического факультета С.-Петербургского университета Д.Д. Гримму. 15.09.1903], [Письмо В.В. Святловского ректору С.-Петербургского университета А.М. Жданову. 16.09.1903] // Ф. 14. Оп. 3 Д. 14360. Л. 104–105 об.

¹² Святловский В.В. Указ. соч. С. 40.

¹³ О переписи студентов. 1904 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9847. Л. 1.

¹⁴ Журнал заседаний Совета Императорского С.-Петербургского Университета за 1904 г. № 60. СПб., 1905. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 26.

¹⁶ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1904 года / Сост. П.К. Коковцевым. СПб., 1905. С. 42.

¹⁷ О переписи студентов. 1904 г. ... Л. 5.

¹⁸ Святловский В.В. Указ. соч. С. 41.

¹⁹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 1139. Оп. 1. Д. 11266. О столовой Петербургского университета. О революционной деятельности университетской столовой см., напр.: Сладкевич Н.Г. В.И. Ленин и Петербургский университет // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 18–19; Ростовцев Е.А. «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P. 89.

²⁰ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1904 г. / Сост. П.К. Коковцевым. СПб., 1905. С. 28.

²¹ Бюджетная анкета студентов, обедавших в столовой Петербургского университета // Студенческая жизнь. М., 1910. №7. С. 15.

²² Там же.

²³ Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным петербургской общестуденческой анкеты 1912 г. СПб., 1913.

²⁴ См. об этом: Анкета студентов-технологов // Студенческий мир. 1910. № 2. С. 3; К характеристике современного студенчества. (По данным переписи 1909–0 г. в С.-Петербургском технологическом институте) / Под ред. и с предисловием прив.-доц. М.В. Бернацкого и при участии д-ра Д.П. Никольского. Вып. 1-й. 1-е изд. СПб., 1910; Ляховацкий А.Л. Больные стороны студенческой жизни // Студенческая жизнь. М., 1910. №12. С. 12–13; Святловский В.В. Указ. соч. С. 32–35; С. П. Анкета в С.-Петербургском технологическом институте // Голос студенчества. 1910, № 6. С. 2; Студенческая анкета // Студенческая жизнь. М., 1910. № 12. С. 11; Эс-Лэ. Анкета в СПб. Технологическом институте // Там же. 1910. № 6. С. 2–3 и др.

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ Там же. С. 42.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 60.

²⁹ Там же. С. 31.

ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ БРАЧЕВ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 328-94-48; E-mail: poltorak2006@yandex.ru

Статья посвящена студенческим волнениям, вспыхнувшим в Санкт-Петербургском университете в связи со смертью Л.Н. Толстого и Егора Созонова. Исследуется отношение к ним политических партий и профессорской корпорации университета, а также влияние волнений на правительственную политику в университетском вопросе.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, Л.А. Кассо, студенческие волнения, Лев Толстой, Егор Созонов, профессорская корпорация Санкт-Петербургского университета.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ ОКТЯБРЯ-ДЕКАБРЯ 1910 г. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ*

В отличие от событий студенческой забастовки 1911 г., нашедших определенное отражение в целом ряде работ (В.Р. Лейкиной-Свирской¹, З.С. Кругловой², М.В. Борисенко³, В.Г. Савельевой⁴, В.П. Яковлева⁴, Н.Г. Завадского⁵, Е.А. Ростовцева⁶, Ю.В. Романова⁷), непосредственно предшествовавшие ей волнения студентов Санкт-Петербургского университета в октябре-декабре 1910 г. большого интереса у исследователей не вызвали и упоминаются ими вскользь, в связи с другими сюжетами (Е.А. Ростовцев⁸, Г.В. Жирков⁹).

Дело в том, что одной из характернейших особенностей советской историографии как студенческого движения в России начала XX в. в целом, так и в Санкт-Петербургском университете в частности являлся усиленный нажим ее представителей на «реакционную политику» и «репрессивный характер» действий власти в университетском вопросе и

некоей напряженной борьбе, которую якобы вынуждено было вести с ним в этой связи (под руководством партии большевиков, разумеется) революционно-демократическое студенчество, при весьма сомнительной и непоследовательной позиции в этом вопросе либеральной профессуры. Простая, казалось бы, мысль о том, что виноватым в срыве намечившегося было осенью 1910 г. некоего диалога нового управляющего Министерством народного просвещения Л.А. Кассо и университетской профессуры и инициировании, таким образом, нового витка перманентного кризиса высшей школы, случившегося в 1911 г., апофеозом которого и стала всероссийская студенческая забастовка 1911 г., могло быть не только «реакционное правительство», но и другие заинтересованные участники процесса в лице либеральной профессуры и самого революционно-демократического студенчества, похоже, даже не приходила советским историкам в голову, так как явно не укладывалась в общепринятую тогда и восходящую в своей основе к дореволюционной так называемой «освободительной» историографической традиционной схеме, согласно которой во всем и всегда в России

* Публикация подготовлена в рамках проекта НИР СПбГУ (История Санкт-Петербургского университета в контексте истории Российского государства и общества, рук. проф. А.Ю. Дворниченко).

была виновата власть, пресловутое самодержавие, которое никакой другой политики, кроме антинародной, проводить не хотело и не могло.

Исходя из этого и причину студенческой забастовки 1911 г. советские авторы искали и, естественно, находили исключительно в плоскости действий правительства. Это знаменитые распоряжения Совета министров о безотлагательном исключении начальствующими лицами учебных заведений злостных нарушителей академической жизни от 10 декабря 1910 г. и «О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний» в высших учебных заведениях от 11 декабря 1911 г., как, впрочем, и появившиеся в связи с этим циркуляры управляющего министерством народного просвещения. Студенческим волнениям предшествующего времени, т.е. октября – начала декабря 1910 г. «начинавшихся, – говоря словами В.И. Вернадского, – по частным, случайным поводам <...> и успокоившимися перед рождественскими каникулами»¹⁰, места в этой схеме не было.

Ныне, когда историки начинают освобождаться от этой схемы и, отталкиваясь от риторического вопроса «кто виноват?», прямо пишут¹¹ о правительственных распоряжениях 10 декабря 1910 г. и 11 января 1911 г. как во многом вынужденной реакции правительства на произошедшие в октябрьско-декабрьские дни 1910 г. в высших учебных заведениях, и в частности в Петербургском университете, массовые студенческие волнения, предпринятая автором в данной работе попытка разобраться в том, что же все-таки такого произошло в это время в Санкт-Петербургском университете и вокруг него, что так напугало власть и подвигло ее на столь жесткие (по меркам того времени, разумеется) меры, вполне, по нашему мнению, обоснована.

Парадоксальность ситуации со студенческими волнениями октября-декабря 1910 г. состоит в том, что ничего экстраординарного, что могло бы задеть жизненные интересы студенчества и университетской профессуры, в это время как раз и не происходило. Скорее уж напротив. Дело в том, что еще 1 марта 1910 г.¹² ректором Санкт-Петербургского университета после ухода в отставку престарелого профессора физики И.И. Боргмана (1849–1914) был избран ординарный профессор римского права, видный деятель Партии народной свободы Давид Давидович Гримм¹³. 14 Несмотря на высокое общественное положение (член Государственного совета по выбору от Академии наук и российских университетов (1907)), в идейном плане новый ректор принадлежал к левому крылу своей партии и был одним из деятельнейших членов Академического профессорского союза, учрежденного в марте 1905 г. либеральной профессурой для борьбы за «нормальное устройство академического быта на началах академической свободы и автономии».

Как вспоминал впоследствии профессор Н.И. Кареев, именно группа членов Академического союза (где-то, согласно его прикидке, «человек в 20 с небольшим»), хорошо организованных и сплоченных, собственно и составляла в совете профессоров тогдашнего университета «центр оппозиции против реакционной политики министерства». «Наша левая группа, – отмечал он, – собиралась довольно часто по вопросу о выборах ректора, выборов в Государственный совет и т.п., а также по поводу вопросов, возникавших в связи с политикой министерства или со студенческим движением»¹⁴. Под стать Д.Д. Гримму в политическом плане был и новый проректор университета (избран 17 мая 1910 г.) профессор кафедры церковной истории И.Д. Андреев (1868–1927)¹⁵. Логичным следствием смены руководств стало то, что и без того прочное положение либеральной или, иначе говоря, кадетской «партии» в университете еще более окрепло.

С другой стороны, благоприятные в целом для университетской профессуры перемены происходят в это время и в самом Министерстве народного просвещения. Крайне непопулярный в либеральных и демократических кругах министр А.Н. Шварц был отправлен 25 сентября 1910 г. в отставку, а на его место в качестве управляющего министерством назначен ординарный профессор по кафе-

дре гражданского права Московского университета Лев (Леон-Виктор-Константин) Аристидович Кассо¹⁶. Нерусское происхождение (род. 20 июня 1868 г. в Париже в семье потомственного дворянина греческого происхождения Бессарабской губернии) и блестящее образование, полученное им в Европе (Парижский лицей Кондорсе, Школа права во Франции, Гейдельбергский и Берлинский (1889) университеты в Германии), наконец, род занятий (до своего высокого назначения – университетский преподаватель)¹⁷ – все это позволяло надеяться, что как человек, воспитанный и образованный исключительно в традициях европейской культуры, не понаслышке знакомый с тем положением, которое занимали университеты в Западной Европе, новый руководитель министерства, в отличие от А.Н. Шварца, сумеет найти общий язык с университетской профессурой.

Как шаг в правильном направлении расценила либеральная общественность и назначение товарищем министра члена-корреспондента Императорской академии наук (1908), профессора зоологии Санкт-Петербургского университета В.Т. Шевякова (1859–1930), сменившего 1 января 1911 г. в этой должности непопулярного Г.К. Ульянова¹⁸.

Поразительно, но факт: в самом начале деятельности Л.А. Кассо в его новой должности некоторые наиболее увлекающиеся головы из числа прогрессивной общественности даже готовы были видеть в нем «сторонника университетской автономии»¹⁹, т.е. «своего». И действительно, на первых порах управляющий министерством старался держаться так, что некоторые основания для такого рода умозаключений были. «Как сообщают, – отмечала в связи с этим кадетская «Речь», – Л.А. Кассо далек от намерения приступить к коренной ломке строя ведомства <...> Но вместе с тем министр заметил, что не солидарен с некоторыми взглядами своего предшественника»²⁰.

Особенно резким нападкам подвергнулся в либеральных кругах разработанный в свое время в Министерстве народного просвещения проект нового университетского устава, внесенный А.Н. Шварцем в Государственную думу незадолго до его отставки (оглашен 12 мая 1910 г.). «Это, – по словам В.И. Вернадского, – был самый черный из всех уставов, вырабатываемых в 1905–1909 годах, ибо он имел своей задачей провести statusquo ante под видом исполнения Высочайшего указа о выработке взамен Устава 1884 года нового, на принципе автономии. Автономии в этом проекте А.Н. Шварца 1910 года не было и помину»²¹.

И здесь Л.А. Кассо пошел навстречу ожиданиям прогрессивной общественности, не только отозвав 24 ноября 1910 г. злополучный законопроект устава и штатов российских университетов из Государственной думы²², но и организовав 16–18 декабря 1910 г. для обсуждения вопросов о характере будущего университетского устава так называемое Частное совещание представителей ряда университетов²³.

Диалога между профессурой и новым управляющим министерством, однако, так и не получилось. Е.А. Ростовцев основную причину случившегося видит в том, что Л.А. Кассо на самом деле никогда не был сторонником университетской автономии и вся его компромиссная стратегия, заключавшаяся в том, чтобы разграничить власть в университете между профессурой и министерством исключительно на началах самоуправления, была неприемлема для профессуры, можно сказать, в принципе²⁴, что, по-видимому, справедливо. Более существенно, на наш взгляд, здесь другое – неожиданное вмешательство в этот процесс так называемой «третьей силы» в лице радикально настроенного студента, выросшего за годы первой русской революции 1905–1907 гг. в реальную политическую силу, не считаться с которой администрации и совету профессоров «автономного» университета было уже нельзя. Положение усугублялось еще и тем, что, в отличие от профессуры, студенчество (речь идет, конечно же, о меньшинстве, но меньшинстве активном) предпочитало идти не за кадетами, а за партиями социалистической ориентации (социалисты-революционеры и социал-демократы), которые, можно сказать, уже по своей сути изначально были нацелены на решение не только внутриуниверситетских, сколько политических проблем.

Первым и крайне неприятным сюрпризом, преподнесенным им Л.А. Кассо, стали события, разыгравшиеся в Санкт-Петербургском университете в связи со смертью 4 октября 1910 г. в Москве бывшего профессора гражданского права Московского университета Сергея Андреевича Муромцева (1850–1910). Ничего особо выдающегося ни в науке, ни в общественной жизни С.А. Муромцев не совершил и всероссийскую известность получил лишь благодаря своему избранию 27 апреля 1906 г. председателем I Государственной думы²⁵ и подписанию им, наряду с другими депутатами-кадетами после ее роспуска, Выборгского воззвания с призывом к пассивному сопротивлению властям и последовавшему вслед за этим трехмесячному тюремному заключению в московской Таганской тюрьме²⁶. Впрочем, для либерально-демократической общественности этого оказалось более чем достаточно, чтобы превратить похороны профессора в широкую антиправительственную демонстрацию, активное участие в которой, наряду с Московским, принял и Петербургский университет.

6 октября 1910 г. здесь состоялась шумная студенческая сходка, посвященная памяти С.А. Муромцева, собравшая около 1000 человек. Характерен партийный состав ее президиума: социал-демократы Н.В. Аполлонов и В.С. Шабский, прогрессист А.А. Аполлонов и эсер «товарищ Карл»²⁷. В принятой сходкой резолюции отмечалась глубокая скорбь студентов Санкт-Петербургского университета в связи со смертью «профессора-гражданина» и выражалась надежда, что в рядах студентов всегда найдутся «стойкие защитники все еще неосуществленных надежд, возлагавшихся на I Государственную думу». Для участия в похоронах С.А. Муромцева от студентов Санкт-Петербургского университета была послана делегация в составе трех человек. Было принято решение 7 октября, в день похорон профессора, в университетской церкви отслужить панихиду. Закончилась сходка троекратным пением студентами «Вечной памяти»²⁸.

«Смерть умеренно-либерального, чуждого демократии, председателя I Думы, Муромцева, вызывает первое робкое начало манифестаций», – так охарактеризовал В.И. Ленин события в Петербургском университете в связи со смертью профессора-кадета²⁹.

Куда более масштабный характер имела антиправительственная сходка в Санкт-Петербургском университете 8 ноября 1910 г. в связи со смертью Л.Н. Толстого (умер 7 ноября), открывшая собой целый ряд сходок и демонстраций, носивших откровенно политический характер. Прямое отношение к созыву сходки имела «советская», т.е., совета профессоров, комиссия, постановившая 7 ноября в знак траура по своему почетному члену (избран 3 сентября 1908 г.) все занятия в этот день отменить, а если студенты пожелают устроить по этому поводу собрание – таковое разрешить³⁰.

Весьма двусмысленным в связи с этим следует признать и обращение проректора университета И.Д. Андреева к священнику университетской домово́й церкви В.Г. Рождественскому отслужить панихиду по отлученному еще в 1901 г. от церкви писателю, от чего тот, разумеется, отказался³¹.

Официальной целью предстоящей сходки было формирование депутации в Ясную Поляну для участия в похоронах Л.Н. Толстого и утверждение текста телеграммы соболезнования родным и близким писателя, как, впрочем, и обсуждение ряда других вопросов, связанных с увековечением памяти покойного. Открылась сходка, собравшая до 5 тыс. человек, ровно в 2 часа дня³². В отчете ректора на имя попечителя от 22 декабря 1910 г. говорится о четырех тысячах студентов, участвовавших в сходке³³.

На эстраде актового зала был помещен убранный черным крепом и лентами портрет писателя, собственноручно подаренный им делегации студентов Петербургского университета, посетившей его в Ясной Поляне по случаю 80-летия, с надписью «Студентам Санкт-Петербургского университета. Лев Толстой, 5 января 1909 года».

Как и в случае со сходкой, посвященной памяти С.А. Муромцева, президиум собрания был прочно оккупирован представителями левых партий во главе со ста-

рым студентом-большевиком Николаем Аполлоновым³⁴. «У святых отцов, стоящих во главе Православной Церкви и отлучивших Толстого, – кровавые пятна на руках», – заявил он в своем выступлении. «Толстой вел борьбу с господством Церкви, с черным клобуком. Пусть помнят черные клобуки, что над ними висит смерть», – вторил ему «товарищ Карл». После этих и ряда других такого же рода речей сходка единодушно проголосовала за то, чтобы послать на имя секретаря Л.Н. Толстого В.Г. Чертова следующую телеграмму соболезнования: «Студенчество Санкт-Петербургского университета, глубоко потрясенное и опечаленное смертью великого писателя и мятежного духом мыслителя Л.Н. Толстого, сливает свое горе с горем России и всего мира. Вечно юный, пылкий ум великого художника-моралиста не раз волновал человечество своим мастерством отражения народного искания правды-справедливости. Непокоренный и непобедимый в поединке со светским и церковно-официальным миром, ушел он, оставив нам великую память о своей борьбе с неправдой современного социального уклада и позорным явлением русской жизни – смертной казнью»³⁵.

В этом же духе составлена и принятая сходкой резолюция: «Студенчество Петербургского университета считает, что лучшим способом увековечения имени Л.Н. Толстого является неотложная отмена смертной казни». Кроме того, по предложению своего президиума сходка высказалась за то, чтобы в день похорон Л.Н. Толстого – 9 ноября никаких занятий в университете не проводилось³⁶.

Выступивший под занавес «тов. Владимир» предложил от имени сходки уполномочить президиум чествовать Толстого в той форме, которую он, президиум, сочтет наиболее целесообразной. Предложение было принято. После этого Н.В. Аполлонов объявил сходку закрытой, предложив собравшимся пропеть «Вечную память»³⁷, и все потянулись к выходу. Однако вместо того, чтобы, выйдя из актового зала, с чувством исполненного долга мирно разойтись, толпа студентов численностью около тысячи человек с пением «Вечной памяти» направилась по Университетской набережной к зданию Святейшего Синода. Остановить и заблокировать ее конной полицией удалось только у Николаевского моста³⁸. Ректор Д.Д. Гримм, поднятый студентами на руках, тщетно уговаривал их успокоиться и разойтись, однако его никто не слушал.

Тем временем конным городовым все же удалось разделить толпу на две части и направить одну из них назад к университету, а другую – по 4-й линии Васильевского острова³⁹. Та часть студентов, которая была оттеснена по направлению к университету, быстро рассеялась, а вот другая, насчитывавшая в своих рядах около 600–700 человек, оказалась на 4-й линии, не успокоилась и решила вернуться по Среднему проспекту в университет. Оказавшись в результате в шестом часу у здания студенческой столовой, она была встречена здесь конной полицией и рассеяна. Тем не менее человек 400–500 сумели-таки проникнуть в здание университета и проследовали в IX аудиторию, где к ним присоединились не участвовавшие в демонстрации студенты юридического факультета, и уже вместе с ними направились в актовый зал, устроив здесь импровизированную сходку. Масла в огонь подлил слух об аресте ряда участников демонстрации. Однако после того как вошедший в зал проректор И.Д. Андреев ответственно заявил, что никто не арестован, помитинговать еще минут 15, студенты разошлись⁴⁰.

Какого-либо беспокойства у руководства университета эта акция студентов не вызвала. Более того, состоявшийся в этот же день совет профессоров университета счел необходимым поддержать пожелание сходки об отмене 9 ноября каких-либо занятий. Кроме того, совет принял решение отправить вдове покойного графине С.А. Толстой телеграмму глубокого и искреннего соболезнования в связи с кончиной своего почетного члена⁴¹.

Совсем по-другому восприняли случившееся студенты-академисты. Собравшись 8 ноября 1910 г. в IX аудитории главного здания, они в своем заявлении выразили обеспокоенность выступлением студентов, на которое толкнула их небольшая группа лиц, решивших использо-

вать смерть великого человека для своих политических целей»⁴². В вывешенном в связи с этим в университете совместном воззвании к студентам «Русской академической корпорации Императорского Санкт-Петербургского университета», «Академического союза студентов Политехнического института императора Петра Великого» и «Академической корпорации “Знание” Лесного института» говорилось: «Беспорядки в высшей школе разрастаются все более и более. Они приняли откровенно политический и революционный характер. На сходках звучали лозунги, знакомые старым студентам с 1905 года – о том, что студенчество должно идти в авангарде революционного пролетариата <...> Во главе беспорядков стоит Общестуденческий коалиционный комитет, распространяющий свою деятельность на все высшие учебные заведения и, несомненно, распоряжающийся по заранее выработанному плану. Призыв к забастовке на целом ряде нелегальных сходок возымел свое действие. Забастовка объявлена почти во всех высших учебных заведениях <...> Студенты-академисты противодействуют забастовке по мере своих сил, и результат налицо: прекращение занятий не осуществилось нигде. Но в то же время до сих пор со стороны профессуры не раздалось еще ни одного призыва к прекращению беспорядков, к тому, чтобы студенчество обратилось от политики к науке. Мы, академисты, твердо решили отстаивать свое право учиться, но впереди нам хотелось бы видеть своих руководителей – профессоров <...> Уже ходят слухи о закрытии высших учебных заведений. Студенты, да не будет этого! Долой насилие! Довольно нам подчиняться кучке лиц, не имеющих ничего общего с высшей школой! Довольно нам быть пушечным мясом революции! Свобода труду! Свобода науке!»⁴³

Должного отклика в студенческой среде «Воззвание» не получило, и на следующий день, 9 ноября демократически настроенная часть студентов была у здания Армянской церкви на Невском проспекте. В 12 часов дня по желанию «именитых горожан» здесь была отслужена панихида по Л.Н. Толстому. В 13 часов дня здесь появились студенты Петербургского университета и слушательницы Высших женских курсов, заказавшие повторение панихиды. После окончания ее, взявшись за руки и с пением «Вечная память» они сделали попытку прорваться к Казанскому собору, но были рассеяны нарядом пеших и конных гвардейцев, а также взводом жандармского дивизиона⁴⁴.

Успокоились, однако, далеко не все, и часть студентов, вытесненных с Невского проспекта, вернулась около 15 часов 30 минут к университету, чтобы провести здесь очередную антиправительственную сходку. Однако сделать это оказалось непросто, так как центральный вход в здание оказался заблокирован полицией. Неудачей закончились и попытки ряда демонстрантов проникнуть в здание Двенадцати коллегий со стороны Биржевой площади, где ими даже были сняты с петель массивные железные ворота. И здесь благодаря вмешательству полиции они были рассеяны и в конце концов разошлись⁴⁵. По результатам беспорядков во время панихиды по Л.Н. Толстому в Армянской церкви на Невском распоряжением петербургского градоначальника генерал-майора Д.В. Драчевского от 11 ноября 1910 г. 32 студента различных учебных заведений Петербурга и ряд примкнувших к ним лиц, а также 12 слушательниц различных женских курсов были подвергнуты аресту на 14 дней и оштрафованы на 25 рублей⁴⁶.

В этот же день 9 ноября 1910 г. на совещании представителей студенческих землячеств и организационного комитета студентов университета было принято решение о проведении общестуденческой демонстрации протеста на Невском проспекте против смертной казни и вынесении этого вопроса на решение общеуниверситетской сходки, назначенной на 10 ноября 1910 года⁴⁷. Никакого отношения к увековечению памяти Л.Н. Толстого предстоящая демонстрация не имела, но писатель, как известно, был большой гуманист и в своей статье «Не могу молчать» (1908) резко осудил правительство П.А. Столыпина за широкое применение смертной казни по приговорам военно-полевых судов. Выжать из возникшего в связи со

смертью Л.Н. Толстого возбуждения и ажиотажа у учащейся молодежи максимальную политическую выгоду в целях дальнейшей дискредитации власти – вот подлинная цель организаторов этой акции.

На следующий день, 10 ноября уже с утра в университете было полно народа. Около 11 часов несколько студентов обратились к ректору с просьбой о разрешении созвать новую сходку, посвященную все тому же вопросу об увековечении памяти Л.Н. Толстого. Понимая, что на самом деле это только предлог для того, чтобы вывести студентов на Невский проспект на антиправительственную демонстрацию, ректор отказал. Это, однако, ничуть не остановило организаторов сходки, и, как и было запланировано, в 12 часов она все же началась явочным порядком. По оценке администрации университета, в актовом зале собралось от трех до четырех тысяч человек, причем не только студентов университета, но и представителей других учебных заведений Санкт-Петербурга. После ряда речей была принята резолюция, приглашающая студентов и различные общественные группы явиться 11 ноября на Невский проспект для участия в мирной манифестации против смертной казни. После этого на сходке появился проректор И.Д. Андреев, который стал убеждать студентов разойтись, но безуспешно⁴⁸. Закончилась сходка около двух часов дня, после чего студенты, выйдя на улицу со ставшим уже традиционным пением «вечной памяти» двинулись по набережной к Дворцовому мосту, но, наткнувшись на отряд городских, повернули к Николаевскому. По дороге к ним неожиданно присоединились ректор университета Д.Д. Grimm, проректор И.Д. Андреев и профессора-кадеты М.Я. Пергамент, И.А. Покровский и А.А. Жижиленко, убеждавшие студентов разойтись, но тщетно.

Около 5-й линии отряд конной полиции, выстроившись в ряд, преградил путь на Николаевский мост и стал теснить манифестантов на 4-ю линию, где конные городские тщетно пытались принудить собравшихся разойтись. Справиться с поставленной задачей им удалось только к четырем часам дня⁴⁹.

События, разыгравшиеся в университете 8–10 ноября в связи со смертью Л.Н. Толстого, показали, что хотя администрация университета и подыгрывала революционно настроенной части студенчества (сознательно или вынужденно – это другой вопрос), реальные возможности ее в смысле воздействия на умы и сердца студенческой молодежи были все же весьма ограничены из-за жесткого противодействия со стороны левых партий, чувствовавших себя со времени революции 1905–1907 гг. в автономном университете как дома. И политику в это время здесь делали, говоря словами В.М. Пуришкевича, «две группы – эсеры и эсдеки»⁵⁰.

Конечно же, и эсерам, и социал-демократам, и находившимся под их влиянием студентам было мало дела до смерти, кстати сказать, вполне естественной и ожидаемой, Л.Н. Толстого. Но как повод для инициирования беспорядков и антиправительственных настроений в обществе кончина знаменитого писателя, находившегося в открытой духовной конфронтации со светской, да и с духовной властями, она подходила им, можно сказать, идеально. «...Несомненно, смерть Толстого создаст настроение. Необходимо его использовать. Бросьте лозунг – “Долой палачей!”» – так инструктировал большевистский центр непосредственно работавших со студенческой молодежью петербургских товарищей⁵¹. В этом же ключе действовали и эсеры, думская фракция которых («Трудовая группа») под председательством В.И. Дзюбинского принимает 10 ноября 1910 г. резолюцию, обязывающую ее членов добиваться принятия Государственной думой законопроекта об отмене смертной казни⁵².

Если левые депутаты приветствовали студенческие демонстрации, усматривая в них признаки нового революционного подъема, то правые, напротив, выражали обеспокоенность «теми безобразиями, которые творятся сейчас в высшей школе» (В.М. Пуришкевич)⁵³. Особое возмущение у них вызвало заявление, которое сделал председатель Государственной думы октябрист А.И. Гуч-

ков: «Господь милосерден, да откроется перед ним (т.е. Л.Н. Толстым. – В.Б.) Царствие Небесное». «Вы этим, – ответил ему председатель Совета Всероссийского братского союза иеромонах Илиодор, – только доказали, что вы достойный ученик великого богохульника и духовного разбойника. Разве вы не знаете, что хула на Духа Святого не отпускается ни в сей день, ни в будущем. Зачем вы на Бога клеветаете? Стыдно, позорно, мерзко, отвратительно»⁵⁴.

Протестуя против использования левыми силами смерти Л.Н. Толстого в политических целях, правые вместе с тем не могли не отдать должного его заслугам как писателя. Так, на общем собрании университетской академической группы «Автономия и порядок» члены ее, почтив вставанием память Л.Н. Толстого, единогласно постановили: «Оставляя в стороне политические убеждения Л.Н. Толстого, студенческая академическая корпорация присоединяется к национальному горю об утрате великого художника земли Русской». Характерно, что к этому постановлению присоединилась также и группа «Союза студентов-националистов»⁵⁵.

Что касается партии кадетов, то ее позицию по отношению к происшедшему иначе как невнятной и непоследовательной охарактеризовать трудно. «Несмотря на то, что студенческое движение традиционно рассматривалось либеральной профессурой как инструмент борьбы за автономию и как элемент политической борьбы за переустройство общества, готовности начинать масштабную политическую битву в союзе с левыми партиями у университетских коллегий в конце 1910 года явно не было», – справедливо отмечает в этой связи Е.А. Ростовцев⁵⁶.

Характерно в этом плане появление 10 ноября 1910 г. около шести часов вечера в приемной Государственной думы группы студентов-кадетов университета, потребовавших встречи с представителем кадетской партии в Государственной думе. Вышедшим к ним депутатам-кадетам А.Ф. Бобянскому и М.В. Челнокову студенты сообщили о резолюции, принятой на университетской сходке, об участии студентов университета в демонстрации 11 ноября на Невском проспекте, выразив надежду на поддержку этой акции представителями думской оппозиции. Однако, к удивлению студентов, депутаты выразили свое отрицательное отношение к предстоящей демонстрации⁵⁷. На том и расстались.

Тем не менее в принятой вечером того же 10 ноября резолюции комитет университетской фракции Партии народной свободы постановил: «Сейчас, в дни бесконечной печали о великом Толстом – воздержаться от участия в продолжающихся выступлениях студентов, грозящих неминуемыми печальными последствиями для высшей русской школы»⁵⁸.

Несмотря на то что лекции 11 ноября читались в университете обычным порядком, слушателей на них было немного. Здесь же, в коридоре главного здания были расклеены воззвания университетской фракции конституционных демократов и Группы беспартийных студентов с призывом воздержаться от участия в демонстрации. Однако большого впечатления они не произвели, и к 13 часам дня университет опустел: в нем осталось всего несколько сотен человек – принципиальных противников демонстрации⁵⁹. Что же касается ее сторонников, то они были в это время уже на Невском проспекте, в толпе демонстрантов приблизительной численностью от 8 до 10 тысяч человек⁶⁰, растянувшейся от Морской улицы до Аничкова моста.

Первые попытки полиции овладеть ситуацией были предприняты в 12 часов 50 минут с появлением здесь эскадрона казаков с пиками и конных жандармов на углу Михайловской улицы и Невского проспекта. И те и другие начинают энергично теснить демонстрантов к Садовой улице и католической церкви Святой Екатерины. В толпе то и дело раздаются возгласы: «Долой смертную казнь!» У здания городской думы неожиданно появляется белый флаг с такой же надписью. Поднявший или, по тогдашней терминологии, «выкинувший» флаг студент Санкт-Петербургского университета Кос был арестован⁶¹. Впрочем, на другой стороне улицы кто-то тут же «выбрасывает» еще один флаг с такой же надписью, но уже черный. Но и он тут же был отобран жандармами.

Большая толпа студентов, рабочих и другой публики (около тысячи человек) собралась к трем часам дня на Знаменской площади. Здесь также был «выкинут» флаг с надписью «Долой смертную казнь!» Вскоре, однако, и здесь демонстранты были рассеяны полицией. Большинство демонстрантов к четверем дням с Невского проспекта демонстрантов отправились по домам. Однако часть из них через Троицкий и Николаевский мосты двинулась к университету. Оттеснив здесь охрану, они (до 400 человек) проникли внутрь здания и, поднявшись на второй этаж, взломали дверь актового зала, устроив здесь импровизированную сходку⁶².

Лейтмотив выступлений здесь был тот же, что и в ходе демонстрации на Невском проспекте. Многозначителен был и прикрепленный к одной из люстр актового зала большой черный флаг с надписью «Долой смертную казнь!» Положение осложнялось еще и тем, что к митингующим вновь присоединилась большая группа юристов (около 700 человек), пришедших на факультет за так и не полученными ими 8 ноября так называемыми «квитками» с разрешением на экзамен. Узнав о том, что студенты-юристы уже на сходке, декан юридического факультета И.А. Покровский и проректор И.Д. Андреев тут же отправились в актовый зал, чтобы увести их оттуда, что им в конце концов и удалось. После этого покинули зал и остальные участники сходки⁶³. Во время демонстрации 11 ноября в общей сложности было арестовано свыше 40 студентов различных учебных заведений и курсисток Высших женских курсов. Все они были препровождены в полицейские участки⁶⁴.

На следующий день, 12 ноября с утра университет был опять оцеплен полицией. Появились и призывы организовать новую сходку, назначенную на 12 часов. В это время в актовом зале как раз началась лекция профессора Л.И. Петражицкого, которая самым бесцеремонным образом была прервана ворвавшейся сюда группой студентов-леваков, желавших немедленно открыть здесь сходку. Тут же явившийся сюда проректор университета предложил студентам разойтись, но его никто не слушал. Между тем находившийся у входа в университет с нарядом полиции полковник В.Ф. Галле, узнав о сходке, дал студентам 10 минут на размышление, пригрозив, что если сходка все-таки продолжится, ввести в здание полицию. Тогда наконец в актовом зале появился сам ректор проф. Д.Д. Grimm, разъяснивший студентам ситуацию и потребовавший от них немедленного прекращения сходки. Часть студентов послушалась ректора и ушла, но часть осталась. Тогда около часа дня полковник В.Ф. Галле решил выполнить наконец свою угрозу. В сопровождении группы полицейских он вошел в актовый зал и решительно потребовал от собравшихся немедленно отправляться по домам. Однако студенты и не подумали исполнить его требование. В зале повисла напряженная тишина. К счастью, В.Ф. Галле хватило такта найти правильное решение, и он в сопровождении офицеров полиции первым покинул зал и вышел в вестибюль. Только после этого студенты, находившиеся в зале, тоже потянулись к выходу⁶⁵.

Попытка организовать новую сходку была предпринята левыми студентами и 13 ноября в 2 часа 15 минут дня, но успеха вследствие того, что уже с самого утра все входы и выходы в университет и из университета были заняты полицией, что практически исключало просачивание в него посторонних лиц, она не имела. Оперативно «сработал» и полковник В.Ф. Галле, уже в 2 часа 30 минут, т.е. через 15 минут после начала сходки давший знать ректору Д.Д. Гримму, что если студенты не разойдутся, то он вынужден будет ввести в университет полицию. В результате на сходке опять вынужден был появиться проректор И.Д. Андреев с обычными в таких случаях увещеваниями, после переговоров с которым студенты решили все-таки покинуть зал⁶⁶, так и не приняв никакого решения о целесообразности или нецелесообразности продолжения борьбы. И дело тут, конечно же, отнюдь не в обаянии проректора И.Д. Андреева, сумевшего так вразумить неразумных, а скорее в потере интереса со стороны студентов к этому мероприятию. Стало очевидно, что тема увековечивания

памяти Л.Н. Толстого, как, впрочем, и тесно связанная с ней тема отмена смертной казни, исчерпала себя.

Последствия событий, разыгравшихся в Петербурге в связи со смертью Л.Н. Толстого, не заставили себя долго ждать. Уже 13 ноября 1910 г. П.А. Столыпин в качестве министра внутренних дел отправил телеграмму градоначальникам университетских городов империи, в которой решительно потребовал от них «ввиду происходящих в Петербурге беспорядков в высших учебных заведениях, могущих повториться в других городах», предупредить «учебные начальства», что «всякие сходки, касающиеся вопросов, не связанных с жизнью того или иного учебного заведения, не должны быть разрешаемы», и что если таковые все же состоятся, то для предотвращения их туда немедленно будет введена полиция⁶⁷.

И надо сказать, что предчувствие не обмануло П.А. Столыпина. Передышка, полученная от «леваков» университетом, оказалась недолгой, и уже в конце ноября – начале декабря 1910 г. студенты опять заволновались. И опять, конечно же, совсем не о том, как наилучшим образом организовать учебный процесс, чтобы выйти из университета грамотными специалистами, а в связи с появившимися 28 ноября в газетах сообщениями о событиях в Вологодской и Зерентуйской (ныне Читинская область, Забайкалье) каторжных тюрьмах. В первой из них, т.е. Вологодской тюрьме, в качестве наказания за протест против гнилой пищи по приказанию тюремного инспектора 50 каторжников, большинство из которых были политзаключенные, подверглись унижительной порке розгами⁶⁸. К счастью, здесь обошлось без жертв. Зато в другой каторжной тюрьме – Горно-Зерентуйской – результат применения тюремной администрацией наказания заключенных розгами привел к тому, что один из них, сын лесоторговца, бывший студент Московского университета Е.Д. Созонов, «прославившийся» вместе со своим подельником Ш.В. Сикорским убийством 15 июля 1904 г. министра внутренних дел В.К. Плеве, после одной из таких экзекуций покончил жизнь самоубийством, приняв яд⁶⁹. Вместе с ним покусались на самоубийство посредством отравления морфием и вскрытия вен и товарищи Е.Д. Созонова: Павел Михайлов, Николай Маслов, Сигизмунд Кухальский, Николай Одинцов. Но они, к счастью, остались живы⁷⁰.

Поскольку в партийном отношении Егор Созонов был социалистом-революционером (член Боевой организации), а именно они, эсеры, в купе с социал-демократами, собственно и «рулили», как мы знаем, радикально настроенной частью студенчества в университете, остаться незамеченной его мученическая смерть здесь, разумеется, не могла. Сообщения об этой трагедии пришли 28, а уже 29 ноября в университетском коридоре появились газетные вырезки, сообщавшие эту новость, и листовки с призывом к немедленному созыву 30 ноября траурной сходки, посвященной памяти Егора Созонова. И хотя экстренно собравшаяся 30 ноября Советская комиссия сходку не разрешила, она (сходка) тем не менее состоялась. Народу, правда, к 13 часам дня в актовом зале собралось сравнительно немного, где-то около 600 человек⁷¹.

Что касается речей выступавших, то лейтмотивом их содержания была безудержная героизация как личности погибшего, так и его недолгой жизни, которые были расценены ими как нравственный подвиг и вечный пример и образец для подражания целым поколениям русской демократической молодежи. «Приводить здесь текст речей, произнесенных 30-го на сходке невозможно, ибо иногда даже трудно вообразить, чтобы студенчество – наиболее культурный элемент страны – давало из среды своей людей не только без всякого признака культуры, но и без всякого рассудка», – отмечалось в связи с этим в прессе⁷².

Явился на сходку и проректор, пожелавший тут же выступить перед собравшимися, но слова ему не дали. Продолжившиеся после этого выступления студентов были прерваны через 30 минут появлением полиции во главе с полицмейстером полковником В.Ф. Галле. На его предложение разойтись откликнулось не более ста человек. Остальных 500 полицейским пришлось выдвигать из зала силой. При

этом девять студентов, оказавшие сопротивление, были арестованы и распоряжением Санкт-Петербургского градоначальника от 5 декабря 1910 г. были подвергнуты аресту сроком на один месяц. Очистив, таким образом, к четырем часам дня актовый зал, полиция покинула университет⁷³.

Не обошли своим вниманием события в Вологодской и Зерентуйской тюрьмах и думцы. 29 ноября 1910 г. в Государственной думе обсуждался вопрос о спешности заявленного в связи с этими событиями левыми депутатами запроса правительству. Спешность защищали кадет Ф.И. Родичев и социал-демократ Н.С. Чхеидзе. Представители правых партий и групп, напротив, решительно возражали. 121 голосом против 111 спешность запроса была все же отклонена⁷⁴. Если левые депутаты основной упор делали на ненормальности и даже дикости случившегося, то правые, не находя должной аргументации в споре с оппонентами, вынуждены были сосредоточить внимание на неприглядном облике наказанных розгами каторжан: убийцы, насильники и прочие. Особенно досталось в этом плане от них, что и понятно, Егору Созонову. «Если я, – заявил депутат Н.Е. Марков 1 декабря 1910 г. с думской трибуны, – имею свое мнение о Созонове, об этом негодяе, подлом убийце из-за угла, то я не стесняюсь говорить, что я очень рад, что подлец Созонов, наконец, издох. Тут нет никакого с моей стороны насилия или кровожадного чувства»⁷⁵.

Что касается ситуации в Санкт-Петербургском университете, то она по-прежнему оставалась тревожной, так как, несмотря на начавшиеся 1 декабря полукурсовые испытания, здесь опять появились листовки с призывом к студентам продолжить борьбу на сходке 3 декабря 1910 г. Пытаясь предотвратить сходку, петербургский градоначальник Д.В. Драчевский не нашел ничего лучшего, как предложить ректору закрыть на 3 декабря университет для всех студентов, кроме экзаменуемых, что было, в принципе, логично, но поддержки у ректора его идея не нашла⁷⁶.

Со своей стороны полиция 2 декабря 1910 г. арестовала почти весь состав Городского коалиционного комитета студентов Санкт-Петербурга, среди которых оказались и группа университетов: М.А. Мануйлов (1886 г.р., историко-филологический факультет), Э.А. Левенберг (1886 г.р., юридический факультет), С.А. Дедюлин (1886 г.р., естественное отделение физико-математического факультета), А.Н. Сперанский (1888 г.р., юридический факультет) и ряд других⁷⁷. Наиболее известной и деятельной фигурой среди них может считаться уже упоминавшийся нами студент естественного отделения физико-математического факультета Николай Васильевич Аполлонов (1879–1926). Член РСДРП(б) с 1903 г., он являлся признанным вожаком студенческих сходок этого времени, неоднократно арестовывался и даже высылался из Санкт-Петербурга на два года в Оренбургскую губернию, но затем, словно феникс из пепла, как ни в чем не бывало опять восстанавливался в родном университете, чтобы опять продолжать здесь борьбу с «режимом»⁷⁸. На этот раз постановлением Особого совещания при министре внутренних дел в конце января 1911 г. ему опять пришлось отправиться на три года в административную ссылку в город Чердынь Пермской губернии. Такие же примерно сроки ссылки (от двух до пяти лет) получили и товарищи Н.В. Аполлонова⁷⁹.

Как ни силен был удар, нанесенный полицией этими арестами революционно-демократическому студенческому движению в университете, предотвратить намеченную сходку ей все же не удалось. Началась она, как и было заранее объявлено, 3 декабря во втором часу дня. Народу на нее собралось достаточно много, около двух с половиной тысяч человек. Президиум сходки, ввиду только что произведенных арестов вожаков движения, состоял из неизвестных большинству студентов лиц. Из-за опасности прибытия полиции и новых арестов резолюция, предлагающая 1) «почтить память борца за свободу и героя Созонова траурной забастовкой 4, 6 и 7 декабря» «не применяя никаких активных действий к ее проведению ввиду траурного оттенка» и 2) «поручить коалиционному комитету университета пригласить студенчество к дальнейшим выступлениям», была принята большинством

голосов безо всяких прений в самом начале собрания⁸⁰.

Не обошлось, правда, без небольшой потасовки со студентами-академистами, в ходе которой, как того и следовало ожидать, трое из них – В.К. Струве, П.А. Нарышкин и А.В. Шустин получили небольшие телесные повреждения. В конце концов противоборствующим сторонам все же удалось договориться о том, чтобы от лица студентов-академистов, принципиальных противников забастовки, выступил председатель Союза русских студентов Г.Н. Шенкен, после чего академисты покинули сходку⁸¹. Прения между тем были продолжены. В центре внимания их оказался вопрос о своевременности назревающей всероссийской студенческой забастовки в знак протеста против политики правительства в университетском вопросе⁸². Прервало их появление в зале проректора И.Д. Андреева, который стал уговаривать собравшихся разойтись, пугая их, по обыкновению, вводом в университет полиции. Поскольку основная задача сходки – принятие резолюции о начале забастовки – была достигнута, призыв проректора имел успех, и через некоторое время с пением революционных песен студенты покинули зал⁸³.

Характерно, что все это время напротив университета стоял отряд полиции во главе с полицмейстером В.Ф. Галле. Когда у него спросили, почему полиция бездействует, он ответил, что ректор просил не входить, ибо в университете все спокойно, – с осуждением было отмечено в связи с этим в правой прессе⁸⁴. Как докладывал позже ректор Д.Д. Гримм Совету Санкт-Петербургского университета в заседании от 17 января 1911 года по поводу событий 3 декабря, он имел разговор с Л.А. Кассо. «До этого, – подчеркнул ректор, – действия университетской администрации одобрялись министерством. А этот день вызвал нарекания и, главным образом, на действия проректора за его продолжительное пребывание на сходке»⁸⁵.

Понять раздражение Л.А. Кассо можно. Ведь только в Петербурге помимо университета такого же рода траурные сходки, посвященные памяти Егора Сосонова, произошли с 3 по 7 декабря в Технологическом, Горном, Психоневрологическом, Политехническом институтах, Высших женских курсах, Сельскохозяйственных курсах и Институте путей сообщения⁸⁶, что, похоже, окончательно убедило власть в том, что рассчитывать на деятельное содействие выборных начальствующих лиц и советов профессоров университетов не приходится, и наводить здесь порядок ей придется все-таки самой.

Так, уже 5 декабря 1910 г. приказом Санкт-Петербургского градоначальника Д.В. Драчевского за активное участие в студенческих беспорядках 30 ноября и 3 декабря студенты Петербургского университета М.Э. Лесневский (р. 1883), Л.Г. Верди (р. 1885), Л.М. Светозаров (р. 1890), Ф. Линде, Ф.М. Лазарев, М.Б. Ничикий, А.Е. Тырман, К.К. Маркарянц, К.Д. Дондуа были подвергнуты аресту на один месяц⁸⁷. 7 декабря 1910 г. им же было издано постановление, согласно которому под страхом штрафа в 500 рублей и ареста до трех месяцев категорически воспрещалось «1. <...> восхваление преступных деяний или личности преступника по поводу учиненных им преступных деяний в речах публично произносимых <...> 2. Публикация и оглашение каких-либо ложных сообщений или слухов. 3. Всякое публичное возбуждение учащихся к прекращению или невозобновлению занятий в учебных заведениях. 4. Самоуправное принятие всякого рода принудительных мер, направленных к прекращению занятий»⁸⁸. Что касается объявленной на сходке 3 декабря траурной забастовки, то благодаря оперативно проведенным ранее полицией арестам и принципиальному отказу забастовщиков от насилия она благополучно провалилась, так как почти все запланированные лекции и все экзамены 4 декабря, как и в последующие дни, состоялись⁸⁹.

Тем временем 9–10 декабря 1910 г. в газетах появились сообщения о трагических событиях в Новороссийском университете в Одессе, где 8 декабря в результате столкновения забастовщиков с академистами и вмешательству полиции, которая была встречена левыми студентами револьверными выстрелами был смертельно ранен в затылок их товарищ – студент Илья Иглицкий⁹⁰, и три человека по-

лучили легкие ранения⁹¹. Уже 9 декабря к часу дня в Петербургском университете появились листовки с призывом к созыву новой сходки с целью осуждения одесских событий. На следующий день, 10 декабря около часу дня в коридоре здания Двенадцати коллегий собралась группа студентов, человек 150–200⁹², горячо обсуждавших произошедшее и распевавших «Вечную память» и похоронные марши. Немного помитинговав, они вскоре разошлись⁹³.

Дальнейшего развития в связи с начавшимися экзаменами эта история не получила. Но что характерно: так уж совпало, что именно в этот день, 10 декабря 1910 г. в «Правительственном Вестнике» в разделе «Административные известия» появилось следующее сообщение: «Начиная с половины ноября этого года во многих высших учебных заведениях Империи, вопреки категорическим воспрещениям учебных начальств, состоялся ряд незаконных студенческих сходок <...> В большинстве случаев, в особенности в последние дни, под влиянием студенческих организаций социалистов-революционеров и социал-демократов на этих сходках распространялись воззвания с призывом к объединению для борьбы с правительством и продолжались речи явно преступного содержания. Полиция, являющаяся для восстановления порядка, встречала обыкновенно резкий отказ в прекращении таковых сборищ, и ей приходилось рассеивать их силою <...> Признавая подобное нарушение порядка учащимися совершенно недопустимым и озабочиваясь скорейшим восстановлением в учебных заведениях правильных занятий, Совет Министров <...> признал необходимым поручить главным начальникам подлежащих ведомств, независимо от общеустановленной ответственности отдельных лиц из среды учащихся за учиненные ими преступления и проступки, безотлагательно распорядиться исключением из учебных заведений тех из них, которые являются подстрекателями к самовольным сходкам и к беспорядкам, а равно руководят последними, и вообще всех тех, которые своими речами и другими выступлениями обнаружили упорное нежелание подчиняться закону и установленным для учебных заведений правилам»⁹⁴.

В этом же духе был составлен и циркуляр Л.А. Кассо «О надзоре за учащимися в высших учебных заведениях» от 3 января 1911 г. Констатировав здесь безрадостную картину того, что «при полном отсутствии надзора ректор в настоящее время не только не является хозяином вверенного ему учебного заведения, но в большинстве случаев не бывает даже осведомлен о том, что происходит во время волнений в стенах университета»⁹⁵, управляющий министерством предложил советам профессоров и администрации университетов «безотлагательно выработать меры применительно к местным условиям <...> для установления действительного надзора за учащимися и своевременного привлечения к ответственности всех нарушителей порядка академической жизни»⁹⁶.

Наконец 11 января 1911 г. в дополнение к своему распоряжению от 10 декабря 1910 г. Совет министров издает новое распоряжение – «О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в высших учебных заведениях»⁹⁷, за исключением, впрочем, собраний научного характера. Помимо прямого запрещения начальствующим лицам давать разрешения студентам на такого рода собрания, а также требования от них установления строгого надзора за тем, чтобы в высшие учебные заведения не имели доступа посторонние лица, постановление Совета министров обязывало их в то же время предупреждать студентов о том, что нарушившие это распоряжение будут немедленно исключены из университетов и других учебных заведений. «За всем тем, – говорится далее в этом документе, – если вопреки принятым мерам в здании учебных заведений собирается недозволенная сходка, учебное начальство должно немедленно, не выжидая речей, дать знать о сходке местной полицейской власти, осведомляя ее и о подготовлениях к подобным сборищам»⁹⁸. Обращает на себя внимание и то, что циркулярно сообщив университетским властям о распоряжении Совета министров, Л.А. Кассо, в свою очередь, уже от себя потребовал от них «озаботиться, чтобы о всех сведениях, получаемых учебной

администрацией о готовящихся неразрешенных собраниях своевременно оповещалась местная полицейская власть и чтобы последней со стороны учебной администрации было оказываемо всяческое содействие к выяснению личности участников неразрешенных собраний»⁹⁹. Таким образом, власть как бы приглашала выборных начальствующих лиц высших учебных заведений к сотрудничеству с ней в деле политического сыска.

Таковы были ближайшие последствия студенческих беспорядков октября-декабря 1910 г. Конечно же, было бы преувеличением говорить о чуть ли не решающем значении влияния этих волнений на политику власти этого времени в отношении высшей школы. Но свою роль в корректировке правительственного курса в этом вопросе, как мы могли убедиться, они безусловно сыграли. И дело тут не только в масштабности и отчетливо выраженном политическом характере студенческих волнений, в той или иной мере охвативших практически все университетские города России, хотя и этого, казалось бы, должно было хватить для того, чтобы подтолкнуть власть к достаточно жестким мерам в отношении их участников. Более суще-

ственно здесь другое. Студенческие волнения октября-декабря 1910 г. со всей очевидностью высветили основные болевые точки тогдашней высшей школы: засилье среди общественно-активной части студенчества влияния левых партий и принципиальный отказ начальствующих лиц и профессорской корпорации университета от принятия каких-либо мер репрессивного характера в отношении заводил и активных участников беспорядков. Вывод из этого, можно сказать, напрашивался только один: надеяться на нормализацию положения в высшей школе изнутри, усилиями благомыслящей части студенчества и профессуры, не приходится, и наводить здесь порядок правительству придется скорее всего самому, мерами, причем жесткими, сугубо внешнего воздействия.

Собственно, по этому пути и пошла власть после студенческих беспорядков октября-декабря 1910 г. Во что вылилась эта корректировка правительственного курса, показала вспыхнувшая в конце января 1911 г. всероссийская студенческая забастовка, активное участие в которой принимало и студенчество Санкт-Петербургского университета.

¹ Лейкина-Свирская В.Р. Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо // Вестник ЛГУ. 1947. № 4.

² Круглова З.С. Студенческая забастовка 1911 года и ее политическое значение // Ученые записки областного пединститута им. Н.К. Крупской. История СССР. Вып. 8. Т. LXXXV. М., 1964.

³ Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.

⁴ Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 года и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1983. № 2. История, языковедение, литература. Вып. 1. С. 14–19.

⁵ Завадский Н.Г. Студенчество и политические партии в России в 1907–1914 гг. СПб., 1998.

⁶ Ростовцев Е.А. «Борьба за автономию». Корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // Modern Russian Historyography. 2009. № 2; Он же. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 3. Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 473–507.

⁷ Романов Ю.В. Наука и власть: наследие Л.А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-99». История. М., 1999. С. 76–80.

⁸ Ростовцев Е.А. Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX веков // Клио. СПб., 2011. №4(55). С. 94–95.

⁹ Жирков Г.В. Студенты прощаются с Л.Н. Толстым // Санкт-Петербургский университет. 2010, 12 сентября. № 15. С.53–54.

¹⁰ Вернадский В.И. 1911 год в истории русской умственной культуры. Из Ежегодника газеты «Речь» на 1912 год. М., 1912. С. 11.

¹¹ Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 3. Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С.486–487.

¹² Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911. С.68.

¹³ Родился 11 января 1864 г. в семье архитектора, профессора Академии художеств Давида Ивановича Гримма (1823–1898). После окончания в 1885 г. юридического факультета Петербургского университета (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 21676 (Дело о студенте Давиде Давидовиче Гримме. Начато 20 августа 1881 г. Л. 1–3) стажировался в Берлинском университете, где изучал римское право. Преподавательскую карьеру начал в 1889 г. приват-доцентом Дерптского университета. С 1894 г. приват-доцент, экстраординарный (1899), затем ординарный (1901) профессор Санкт-Петербургского университета. В 1906–1910 гг. декан юридического факультета.

¹⁴ Кареев Н.И. Возвращение в университет // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2 (1895–1917 гг.). Л., 1982. С. 102.

¹⁵ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911. С.122.

¹⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1910. №11 (ноябрь). С. 3 (Правительственные распоряжения).

¹⁷ Удинцев В.А. Лев Аристидович Кассо, доктор гражданского права // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. №9 (сентябрь). С. 43–70.

¹⁸ Новый товарищ министра народного просвещения // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, февраль-март. С. 859.

¹⁹ С.Л. Судьба университетского устава // Речь. 1910, 1 (14) окт. № 263. С. 3.

²⁰ Львов Л. В Министерстве народного просвещения // Речь. 1910, 1 (14) окт. № 263. С. 3.

²¹ Вернадский В.И. 1911 год в истории русской умственной культуры. Из Ежегодника газеты «Речь» на 1912 год. СПб., 1912. С.11.

²² Ролп А.Н. Что сделала III Государственная дума для народного образования. СПб., 1912. С. 200.

²³ Воробьева Ю.С. Общественность и высшая школа в России начала XX века. М., 1994. С. 35.

²⁴ Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 3. Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С.506.

²⁵ Гредескул Н.А. Первая Дума и ее председатель // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1911. С.309–332.

²⁶ Ледницкий А.Р. С.А. Муромцев в тюрьме // Там же. С. 350–373.

²⁷ Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 года и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1983. № 2. История, языковедение, литература. Вып. 1. С. 15.

²⁸ К кончине С.А. Муромцева. В Петербурге // Речь. 1910, 7(20) окт. № 275. С. 3.

²⁹ Ленин В.И. Начало демонстраций // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1968. Т. 20. С. 74.

³⁰ Протокол заседания совета Императорского Санкт-Петербургского университета 8 ноября 1910 года // Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911. С.136.

³¹ Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 3. Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 481.

³² В высших учебных заведениях // Речь. 1910, 9(22) нояб. № 306. С. 3.

³³ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 13.

³⁴ По университетам. Санкт-Петербургский университет 8–10 ноября // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, январь. С.660.

³⁵ В высших учебных заведениях. Петербургский университет // Речь. 1910, 9(22) нояб. С. 3.

³⁶ Там же.

³⁷ По университетам. Санкт-Петербургский университет 8–10 ноября // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, январь. С. 660.

- ³⁸ Официальное сообщение о демонстрациях // Речь. 1910, 13(26) нояб. С.6.
- ³⁹ Ректор – попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, 22 декабря 1910 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 2.
- ⁴⁰ Протокол заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета 8 ноября 1910 года // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911. С. 138.
- ⁴¹ Там же. С. 135.
- ⁴² У студентов-академистов // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, январь. С.662.
- ⁴³ Воззвание студентов-академистов // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, январь. С. 663.
- ⁴⁴ Официальное сообщение о демонстрациях // Речь. 1910, 13(26) нояб. С. 6.
- ⁴⁵ Ректор – попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, 22 декабря 1910 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 2.
- ⁴⁶ Демонстрация в Санкт-Петербурге // Речь. 1910, 12(25) нояб. С. 4.
- ⁴⁷ *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 года и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1983. № 2. История, языкознание, литература. Вып. 1. С. 15.
- ⁴⁸ В Петербурге. В учебных заведениях. Сходка в университете // Речь. 1910, 11(24) ноября. С.3.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Наблюдатель. Государственная дума за неделю // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, январь. С. 624.
- ⁵¹ *Олесич Н.Я.* Владимир Ильич Ленин и революционное студенчество в России. М., 1982. С.187.
- ⁵² Увековечение памяти // Речь. 1910, 11(24) нояб. С. 3.
- ⁵³ В Государственной думе. Сессия IV. Заседание 161. 10 ноября 1910 года // Речь. 1910, 11(24) нояб. С. 5.
- ⁵⁴ Телеграмма Илиодора А.И. Гучкову // Речь. 1910, 11(24) нояб. С. 3.
- ⁵⁵ В высших учебных заведениях // Речь. 1910, 9(22) нояб. С.3.
- ⁵⁶ *Ростовцев Е.А.* 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 3. Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 484.
- ⁵⁷ *Бобянский А., Челноков М.* Письмо в редакцию // Речь. 1910, 11(24) нояб. С.4.
- ⁵⁸ В Петербурге. В учебных заведениях. Санкт-Петербургский университет // Речь. 1910, 11(24) нояб. С. 3.
- ⁵⁹ Демонстрация в Санкт-Петербурге // Речь. 1910, 12(25) нояб. С. 2.
- ⁶⁰ Официальное сообщение о демонстрациях // Речь. 1910, 13(26) нояб. С. 6.
- ⁶¹ По университетам. В Петербургском университете 8–10 ноября // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, янв. С. 660.
- ⁶² Официальное сообщение о демонстрациях // Речь. 1910, 13(26) нояб. С. 6.
- ⁶³ Ректор – попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, 22 декабря 1910 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 3.
- ⁶⁴ Демонстрация в Санкт-Петербурге // Речь. 1910, 12(25) нояб. С. 4.
- ⁶⁵ Протокол заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 17 января 1911 года // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 год. СПб., 1913. С. 6.
- ⁶⁶ Там же. С. 7.
- ⁶⁷ *Жирков Г.В.* Студенты прощаются с Л.Н. Толстым // Санкт-Петербургский университет. 2010. № 15. С. 54.
- ⁶⁸ Запрос о событиях в Вологодской и Зелентуйской каторжных тюрьмах // Речь. 1910, 30 нояб. (13 дек.). С. 4.
- ⁶⁹ На каторге Горного Зерентуя // Речь. 1910, 29 нояб. (12 дек.). С. 1.
- ⁷⁰ К событиям в каторжной тюрьме // Речь. 1910, 6 (19) дек. С. 1.
- ⁷¹ Протокол заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 17 января 1911 года // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 год. СПб., 1913. С. 8.
- ⁷² Студ. Л. Ровский. Петербургский университет. События в университете // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, январь. С. 638.
- ⁷³ Ректор – попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, 22 декабря 1910 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 3.
- ⁷⁴ Известия за день // Речь. 1910, 30 нояб. (13 дек.). С. 1.
- ⁷⁵ Государственная дума за неделю // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, март. С. 597.
- ⁷⁶ Протокол заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 17 января 1911 года // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 год. СПб., 1913. С. 9.
- ⁷⁷ В высших учебных заведениях // Речь. 1910, 19 дек. (1911, 1 янв.). С. 4.
- ⁷⁸ Тюремный формуляр Аполлонова // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, янв. С. 620.
- ⁷⁹ Обыски и аресты студентов – руководителей беспорядков в университете // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, янв. С. 660.
- ⁸⁰ В высших учебных заведениях. В Петербурге // Речь. 1910, 4(17) дек. С. 4.
- ⁸¹ Студ. Л. Ровский. Петербургский университет. События в университете // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, янв. С. 639.
- ⁸² *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 года и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1983. № 2. История, языкознание, литература. Вып. 1. С. 15.
- ⁸³ Протокол заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 17 января 1911 года // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 год. СПб., 1913. С. 10.
- ⁸⁴ В университете. 3 декабря 1910 года // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, янв. С. 662.
- ⁸⁵ Протокол заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 17 января 1911 года // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 год. СПб., 1913. С. 11.
- ⁸⁶ По университетам // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, янв. С. 663–667.
- ⁸⁷ Обыски и аресты – руководителей беспорядков в университете // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, янв. С. 660.
- ⁸⁸ Официальное постановление петербургского градоначальника // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, янв. С. 659.
- ⁸⁹ Протокол заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 17 января 1911 года // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 год. СПб., 1913. С. 10.
- ⁹⁰ В Одесском университете. Вечерние известия // Речь. 1910, 9(22) дек. С. 2.
- ⁹¹ Подробности беспорядков в Новороссийском университете // Прямой путь. Журнал политический, экономический и литературный. СПб., 1911, янв. С. 670.
- ⁹² К событиям в высших учебных заведениях. В Петербурге // Речь. 1910, 11(24) дек. С. 4.
- ⁹³ Ректор – попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, 22 декабря 1910 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10475. Л. 5.
- ⁹⁴ Административные известия // Правительственный Вестник. 1911, 11 дек. № 269. С. 4.
- ⁹⁵ О надзоре за учащимися в высших учебных заведениях // Журнал министерства народного просвещения. 1911. № 3 (март). С. 39.
- ⁹⁶ Там же. С. 40.
- ⁹⁷ О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в высших учебных заведениях // Журнал министерства народного просвещения. 1911. № 3 (март). С. 41–43 (Правительственные распоряжения).
- ⁹⁸ Там же. С. 42.
- ⁹⁹ Там же. С. 43.